Прямой выпад против «воспевателей любовной страсти» можно найти в таких стихах поэмы, вложенных в уста влюбленного:

Он страсти придает божественный титул,
Нельзя, он говорит, как Купидон стрельнул,
Противиться огню и внутреннему жару,
С часами вдруг растет болезнь сего удару.[9]

Здесь поэт пародирует распространенную тогда любовную лексику модных дворянских песен с их неизменными поэтическими шаблонами, такими, как образ Купидона со стрелой, жар страсти и т. п. Не исключена возможность также, что Дубровский имел в виду статью Г. Н. Теплова, где всемогущество и непобедимость любовной страсти доказывалось так: «...прочие склонности воспитанием строгим одолеть можно, а сия по крови бываемая делает человека невольником своим. Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялися с голосным пением, произвели падение слов и для лучшей приметы кончающегося разума, или паче музыкального тону, рифмы».[10] Дубровский же утверждает, что человеку дано от природы быть господином своих страстей.

Еще одна особенность в поэме Дубровского настойчиво включает ее в круг полемических произведений, доказывая, что автор сознательно стоял на ломоносовской литературной позиции, — это вопрос о характере сатиры.

Еще раньше, в самом начале литературной борьбы между ломоносовским и сумароковским лагерями, во время споров вокруг «Сатиры на петиметров и кокеток» И. П. Елагина, появилось произведение, принадлежащее неизвестному стороннику Ломоносова· «Ответ на эпистолу И. Е.». В этом «Ответе» была дана программа общественно значимой и содержательной сатиры. Автором произведения, как мы предполагаем, был Дубровский. Главное доказательство в пользу этого предположения — внутреннее соответствие критической части поэмы «На ослепление страстями» с требованиями «Ответа». Там автор обвинял Елагина в отсутствии положительного идеала, во имя которого ведется критика, в ничтожности высмеянных пороков:

. . . . . .

Не чаю, чтоб Боал о лентах рассуждал,
Важнее есть пороки, кои он осуждал...
Но наш сатирик слабой нам только описал,
Как, в зеркало глядясь, кто мушку налепляет,
Он все оставя страсти, лишь щеголя ругает.[11]

Поэма же Дубровского и начинается с утверждения высокого природного назначения человека, поэтому осмеяние порочных страстей в поэме становится целенаправленным и действенным.

Следуя программе обличения важных пороков, намеченной в «Ответе», Дубровский в своей поэме сильнее всего бичует лесть, угодничество, которыми заслуживается милость всесильных, т. е. обращается к социально-значимым вопросам русской действительности. Поэт показывает этот порок как неизбежное следствие сословного общества, где происхождение и родо-

[9] Там же, август, стр. 132.
[10] Там же, июль, стр. 11.
[11] «Библиографические записки», 1859, № 15, стр. 460.